

ФУРЛЯ

Ямилъ Сайед Мендес



Marshmallow Books

Москва
2024

УДК 821.111–3
ББК 84(7Сое)6–44
М50

Yamile Saied Mendez
Furia

Переводчик: Вера Полищук
Редактор: Анастасия Маркелова

Мендес, Ямиль Сайед.

М50 Фурия / Ямиль Сайед Мендес. — М.: Альпина Пабlishер, 2024. — 336 с.

ISBN 978-5-9614-8950-7

Аргентинка Камила Хассан ведет двойную жизнь. Дома она — покорная дочь, а на футбольном поле — неудержимая Фурия, воплощение таланта.

Впереди турнир, после которого Камила может получить спортивную стипендию в американском университете или даже попасть в профессиональную команду. Но для этого нужно разрешение родителей, а они точно не одобряют ее увлечение.

Все становится еще сложнее, когда в город приезжает Диего — парень, в которого она влюблена. Теперь он звезда «Ювентуса». Но у Камилы свои мечты... Готова ли она отказаться от них ради любви?

УДК 821.111–3
ББК 84(7Сое)6–44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ, для частного или публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

© 2020 by Yamile Saied Méndez
Published by Algonquin Young Readers
an imprint of Algonquin Books of Chapel Hill
© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина Пабlishер», 2024

*Посвящается моим дочерям Магали и Арели,
моей сестре Марии Белен Сайед и той маленькой девочке,
которой я когда-то была.
И всем Неукротимым и всем Фуриям этого мира*

*Но русалки не могут плакать,
и им от этого еще тяжелее переносить страдания.*

Ханс Кристиан Андерсен, «Русалочка»

I

У лжи ноги коротки. Эту пословицу я усвоила еще до того, как научилась говорить. Откуда именно она взялась, я точно не знаю. Может, моя семья везла ее с собой через Атлантический океан на край света, до самого Росарио, второго по величине города в Аргентине.

Моя русская прабабушка Изабелла вышла это изречение на наволочке после того, как первый возлюбленный разбил ей сердце, женившись на ее сестрице. А мой дедушка-палестинец Ахмед нашептывал мне эти слова на ушко всякий раз, как мама обнаруживала его потайную заначку вина. Моя андалузская бабушка Елена повторяла их, словно мантру, до последнего своего дня, пока воспоминания и сожаления не призвали ее к новой жизни. Возможно, пословица пошла от Матильды, той самой, которая в поисках свободы проделала путь из Бразилии до Лас-Пампас, но о ней, об этой чернокожей женщине, чья кровь бурлит в моих жилах, у нас в семье не говорят. Фамилия Матильды позабылась, однако наследие бабушкиной бабки до сих пор проступает в наших чертах: мои темно-каштановые волосы курчавятся, нос у меня широкий, а еще я упряма — о, *Dios mio*, Боже мой, до чего я упряма. Если семейные

предания не лгут, то я пошла именно в Матильду тем, что не умею вовремя замолчать и делать, что мне говорят.

Но, быть может, пословица уходит корнями в здешнюю землю, которая, как полагали конкистадоры, вся пронизана жилами серебра, и слова эти — единственное наследство, какое мне перепало от местной ветви нашей семьи.

Как бы там ни было, услышав от мамы эту пословицу про ложь, я отмахнулась. Я как раз собиралась уходить.

— Ничего я не лгу, — упрямо заявила я, сражаясь со шнурками кроссовок. Настоящие «найки» — мой брат Пабло купил их мне на Рождество со своего первого футбольного гонорара. — Я же сказала: иду к Роксане.

Мама отложила шитье — она расшивала блестками юбку для кинсеаньеры* — и пристально посмотрела на меня.

— Чтобы к семи была дома. Вся семья собирается отмечать открытие сезона.

Вся семья.

Ага, да прям.

Предки любят порассуждать о крепкой дружной семье, а сами при этом со своими братьями и сестрами, родными и двоюродными, вообще не разговаривают — ни с одним. Но придут папины друзья и девушка Пабло и будут сидеть за накрытым столом, сплетничать и хохотать до поздней ночи.

— Мам, ты же знаешь Пабло. Я уверена, у него свои планы, с командой.

* Кинсеаньера — возраст совершеннолетия девушки в странах Латинской Америки, а также церемония празднования пятнадцатилетия, которая символизирует переход от подросткового возраста ко взрослой жизни. В этот торжественный день девушкам дарят розы и они надевают белые платья и туфли на каблуках. (Здесь и далее прим. пер.)

— Он меня попросил напечь пиццы. — Мама усмехнулась. — Ну смотри, не опаздывай, и чтобы без глупостей.

— Каких еще глупостей? — огрызнулась я. Ведь отметки у меня отличные. Наркотиками я не балуюсь. По мальчикам не бегаю. Да что там говорить, прах побери, в отличие от остальных женщин нашей семьи, я в свои семнадцать еще не забеременела. Казалось бы, раз так, мама будет мне доверять, примет мою сторону? Ха, какое там! Сколько я ни старалась, ей всегда было мало и недостаточно хорошо. И сама я для мамы была недостаточно хороша.

— Я ж не смогу пойти на «Хиганте де Арройито». У меня и денег на билет нет.

Мама отбросила шитье в сторону.

— Так, Камила, я тебе сколько раз говорила — футбольный стадион не место для сеньориты из приличной семьи! Помнишь ту девочку, которую нашли в канаве на обочине? Вот не шлялась бы она с кем не надо, так осталась бы живехонька.

В маминых словах была доля правды. Микроскопическая. Та девчонка, Химена Маркес, и правда пропала в прошлом году после матча, но убил-то бедняжку ее дружок, Эль Пако. Тезка папы римского Франциска, только вот не святой. И всем его нрав был прекрасно известен, как и то, что он лупил всех своих подружек, что боксерскую грушу, и не только подружек, но и мать родную. Однако если я укажу на это маме, она заведется и начнет разглагольствовать про движение «Ni una menos»*: мол, это

* «Ni una menos» (исп., букв. «Ни одной меньше») — латиноамериканское феминистское движение, возникшее в Аргентине. Регулярно проводит акции протеста против убийств женщин, но также затрагивает такие темы, как сексуальные домогательства, дискриминация в оплате труда, легализация аборт и пр.

сплошная феминистская пропаганда, — а тогда я точно опоздаю на автобус. Мой матч за победу в чемпионате, о котором мама и понятия не имела, начинается в четыре — точно так же, как и первая игра «Сентраля». По крайней мере матчи будут в разных концах города.

— *Vieja*, старушка, — начала я и тут же пожалела, что это словцо сорвалось у меня с языка, маме ведь еще и сорока нет, — мы живем в двадцать первом веке. И как бы в свободной стране. Если бы я и правда хотела пойти на стадион, я бы пошла. И ты бы тоже, мамуль. Пабло был бы рад, если бы ты пришла. Сама ведь знаешь, верно?

Мамино лицо окаменело. В последний раз, когда мама ходила на матч, «Сентраль» проиграл, и папа еще пошутил, что она *la yeta*, приносит неудачу. А мама у нас из злопамятных, и, раз папаша такое ляпнул, она ему до последнего вздоха не забудет и не простит. Потому что — ну а если он был прав? А если команда Пабло и правда продула по ее вине?

Я решила разыграть последнюю карту и сказать хоть немножко правды, ведь после матча я и в самом деле собиралась к Роксане.

— Мамуся, у Роксаны мне будет слышно, что творится на стадионе. Ну пожалуйста, ну отпусти меня. Что мне дома-то весь день делать?

Мама дернула за неподатливую нитку.

— Что это еще за «мамуся»? Камила, не разговаривай как деревенщина. Слышала бы тебя моя сестра Грасиела! — Мама окинула меня изучающим взглядом с головы до ног. — И что это ты такое напялила, дочка? Что за мешковатые штаны? Вот если бы ты согласилась, чтобы я сшила тебе несколько платьев...

Я чуть не засмеялась. Раз мама прикапывается к тому, как я разговариваю и как одета, — значит, этот раунд я выиграла.

Но тут она сказала:

— Ты что-то скрываешь от родной матери, и меня это тревожит.

Сердце мое сразу смягчилось. Да я уже целый год это что-то скрываю, с тех пор как сеньора Алисия, наш тренер, увидела, как мы с Роксаной играем в любительской лиге, и зазвала нас к себе в команду.

Бедная мама. Ах, как бы я хотела поделиться с ней своим секретом! Но что бы там ни думали мои предки, а урок я усвоила. Когда мне было двенадцать, папа застукал меня с мальчишками — мы гоняли футбольный мяч во дворе по соседству. Я была счастлива по уши... пока папа не наорал на меня при всем честном народе: мол, он не пацанку и не оторву какую растит, футбол — мужская игра, и нечего тут.

Я тогда выслушала его ругань молча и надеялась выплакаться, уткнувшись маме в коленки, но она приняла папину сторону. И с тех пор я маме про футбол ни слова не сказала.

— Чао, мам. — Я чмокнула ее в щеку и ринулась к двери, за которой открывалась свобода. — Я передам от тебя привет сеньоре Фонг.

— Бери трубку, когда я буду звонить!

Свой дешевый мобильник я засунула поглубже в рюкзак. На счету все равно не было денег. Но об этом мама не знала.

— Чао, *te quiero*, люблю! — Я послала маме воздушный поцелуй и метнулась к порогу, пока она меня не остановила.

У закрытой металлической двери нашей квартиры я на миг замерла, но мамино «люблю» в ответ не услышала.

У соседа гремел хит «Моя братва», и под эту ритмичную песню я поскакала вперед. Я срезала дорогу, пробегая между домами из шлакоблока и хибарами, ныряла во все щели нашего района 7 Сентября. Когда я домчалась до автобусной остановки, музыка давно осталась позади, но ее ритм — тум-тум-тум — все еще бился во мне. Сто сорок второй автобус показался из-за угла, едва я посмотрела на часы. Было без двадцати три.

— Вы не опоздали! — Я одарила водителя благодарной улыбкой, а сама быстренько просканировала свой ученический проездной. Сканер пикнул, я мысленно возблагодарила Святую Деву. Вообще-то я не могла себе позволить расходы на проезд, но до футбольного поля в парке Иригойен пешком из нашего района топать далековато.

— Ну, тебе повезло, — сказал водитель. — Ради сегодняшнего матча «Сентралья» пустили дополнительные рейсы. Большая часть «Скаундрелс» уже на «Хиганте де Арройито», а я буду болеть за команду прямо здесь, сидя за рулем*. — Он улыбнулся и показал мне краешек желтой с синим футболки из-под потертой синей форменной куртки на пуговицах. — Ты ведь на стадион едешь?

Мне не хотелось давать ему повод для дружеской болтовни, так что я просто пожала плечами и села на подходящее место.

Черный дерматин кресла потрескался, желтоватая набивка лезла наружу, зато я по крайней мере устроилась достаточно далеко от немолодой парочки, которая лизалась на заднем

* «Скаундрелс» (англ. Scoundrels — «негодяи, каналы») — прозвище аргентинского футбольного клуба «Росарио Сентраль», конкурировавшего с клубом «Ньюэллс Олд Бойз» (букв. «Ньюэллские старички»).

сиденье и от какого-то мужика справа, пялившего на меня масляные глазки.

Автобус прибавил скорость, и наш район остался позади. Гул мотора и тепло от печки убаюкивали меня, и я сонно смотрела в окно на деревья, еще по-августовски голые, и на стаи птиц, которые пока не улетели на север, в теплые края.

После короткой остановки на Окружной я вдруг почувствовала, как что-то коснулось моей ноги. Открытка с *la Difunta Correa*, Корреа-покойницей — святой покровительницей невозможного. Бумага пожелтела, уголок открытки загнулся. Я встrepенулась, подняла голову и поймала кривую улыбку какого-то мальчишки — он обходил автобус и раскладывал на сиденьях печатные иконки, рассчитывая, что ему подадут мелочи. Я, хоть и училась с третьего класса в католической школе, особенно религиозной никогда не была, но вот Корреа-покойницу вмиг признала. Это изображение мертвой матери, которая и после смерти все еще кормит младенца, окруженная сиянием нимба, меня всегда завораживало. История такая: когда-то в середине девятнадцатого века, в постколониальные годы, армия забрала у Корреа мужа и солдаты. Вне себя от горя, Корреа вместе с новорожденным сынишкой последовала за армией, чтобы не разлучаться с мужем, и шла да шла по равнинам и пустыням, пока не умерла от жажды. Когда тело несчастной нашли два гуртовщика, младенец был еще жив — он кормился материнским молоком. С тех самых пор Корреа приписывали чудодейственные свойства. Церковь ее святой не признавала, но святилища Корреа встречаются на всех дорогах Аргентины — к ним принято ставить бутылки с водой: это и подношение, и плата за покровительство.

Тут-то совесть напомнила мне о том, сколько я уже лгу, и еще о том, что моей команде, чтобы сегодня выиграть

чемпионат, требуется настоящее чудо. Мальчик — разносчик иконок так жалостно сутулился, что сердце у меня защемило. Я порылась в кармане. На пятьдесят песо он особенно не разгуляется, но больше у меня не набралось.

— Благодарствую, — сказал паренек. — И да поможет тебе святая Корреа.

Я подняла бумажную иконку.

— И правда поможет?

Он пожал плечами, но улыбнулся, и на щеках у него проступили ямочки.

— Ну а что тебе терять, а?

Мальчишке было лет десять, не больше, а говорил он как умудренный жизнью старик.

Больше никто из пассажиров денег ему не дал и иконку не купил, поэтому на прощание, прежде чем сойти на остановке, паренек снова улыбнулся мне.

Автобусный мотор гудел, но еще громче гудела у меня в голове назойливая мысль: может, сегодня я играю со своей командой в последний раз. Как ни напрягай ноги, как ни беги, а победы это не принесет. Нам нужно чудо. Я посмотрела на иконку святой Корреа и мысленно вознесла молитву: да подарит она мне будущее, где я смогу играть в футбол и быть свободной. В самом деле, что мне терять, а?

2

Автобус подъехал к кварталу генерала Хосе де Сан-Мартина, как раз когда мои часы показали четверть четвертого. Я опаздывала. Весь остаток пути до футбольного поля в парке Иригойен я преодолела бегом. За ним высился стадион «Сентраль Кордова», но нашей женской лиге доступа туда не было.

Когда я примчалась, судья в старомодной черной форме уже проверял у всех наших девчонок щитки. Роксана, наш голкипер и моя лучшая подруга, чуть не испепелила меня взглядом, пока я стягивала свитер и треники, под которыми у меня была форма нашей команды, голубая с серебром. Я встала последней в шеренгу и похлопала по щиткам — показала, что защита на месте. Остальные девчонки уже разошлись по местам, а я зашнуровывала бутсы — они достались мне от Пабло. Такие заношенные, что едва не разваливались, да еще и воняли, будто внутри сдохла и разложилась какая-то живность.

— Ты опоздала, Хассан, — сказала сеньора Алисия, наш тренер.

Она всю жизнь шурилась и играла в жесткую мужскую игру, и поэтому все лицо у нее покрылось сетью морщинок, а говорило оно мне: лучше извинись, да побыстрее, иначе тебе не понравится конечная точка твоего маршрута.

— Извините.

Я не пообещала, что такое не повторится. Маме я соврать могу, но сеньоре Алисии? Вообще никак.

На противоположном конце поля разминались «Роялс» в бордовой с золотом форме — прыжки на месте, растяжка.

— Сегодня важный день, — негромко сказала сеньора тренер, будто разговаривала сама с собой, но я услышала в ее голосе горячую надежду. — Если выиграем, в декабре примем участие в женском Южноамериканском кубке, а тогда уж получим все то, о чем пока и мечтать нечего. Известность. Новые возможности. Уважение.

Я-то мечтательница, но наша сеньора тренер — честолубивее всех, кого я знаю. Она хочет, чтобы мы очень многого добились.

— Если выиграем, тебя, возможно, наконец заметит профессиональная команда... Я надеялась, что сегодня здесь будет Габи, но в декабре? К тому времени твои таланты уже будут на виду, Хассан.

Габи — сестра сеньоры Алисии, она работала где-то на севере с одной очень успешной командой. Таким футболисткам-бунтаркам, как мы, в Аргентине выйти на профессиональный уровень не светит, но Штаты — совсем другое дело. Каждый раз, когда сеньора тренер заводила речь о том, что кое-кто из нас может выйти в профи, мне всем сердцем хотелось ей верить. Но показывать, как я размышляла, мне не хотелось, и поэтому я с притворной беззаботностью рассмеялась.

Сеньора Алисия впилась в меня ястребиным взглядом.

— Нечего смеяться. Может, пока ты и не играешь на «Хиганте», но таланта у тебя побольше, чем у твоего братца. И ты пойдешь дальше него. Попомни мои слова.

Пабло уж точно будет богаче меня. Я-то хотела одного: шанса играть, но и это было все равно что хотеть луну с неба.

Сеньора Алисия улыбнулась уголком рта.

— У тебя есть кое-что, чего нет у Пабло.

— И что же?

— Ты свободна от ожиданий общества.

— Наверное, мне надо сказать спасибо.

— Ну, ну, нечего на меня так зыркать. — Сеньора Алисия положила руку мне на плечо, будто слегка приобняв. — Пабло теперь профи. Если выступает плохо — журналисты его по стенке размазывают. А на тебя никто не давит, если не считать меня. Сегодня я жду, что ты выложишься по полной. *Está claro?* Ясно?

— Ясно как день, — ответила я, все еще задетая за живое.

Сеньора Алисия подмигнула, вручила мне капитанскую повязку и, не успевшая и слова вымолвить, отошла. А мне столько всего нужно было ей сказать! Что она ждет от меня чересчур многого. Что я всего лишь девчонка с крепкими ногами и упрямым нравом.

Но устраивать драму было некогда. Я нацепила повязку и сделала быструю разминку. Вскоре сеньора Алисия подозвала нас к себе. Мы собрались вокруг нее, и я, зажата между Роксаной и Синтией, смотрела на лица подруг, а сеньора Алисия тем временем призывала нас выложиться на полную. Синтия у нас в команде самая старшая, ей девятнадцать. Самая младшая — Лукреция, *la Flaca*, наше слабое место, ей всего пятнадцать, но за последние месяцы она стала намного увереннее. София и Йессика до того, как пришли в команду к сеньоре Алисии, вообще не играли, а сейчас считались двумя лучшими защитницами в нашей лиге. Мабель и Эвелин были непобедимы в середине

поля. Мия в детстве играла в Штатах, а потом ее семья перебралась обратно в Аргентину, так что, может, у нее и недоставало опыта, зато упорства было не занимать. Абриль, Яэль и Хисела присоединились к нам после того, как распустили их районную команду по мини-футболу. Сегодня отсутствовала только Мариса, наш лучший нападающий. Ее двухлетняя дочурка Микаэла была у нас вроде талисмана команды. Как мне будет не хватать ее тоненькогоголоска!

— Мы все чем-то пожертвовали, чтобы быть здесь, — сказала сеньора Алисия. — Помните, что ваши семьи за вас болеют. Сражайтесь за своих подруг, своих *compañeras*, особенно за тех, кто сегодня не с нами, а мячу окажите уважение, которого он заслуживает.

Без Марисы в команде оставался только один запасной, но после слов сеньоры Алисии все страхи как рукой сняло.

— «Ева-Мария»! — прокричали мы название своей команды, и прозвучало это словно молитва.

Судья дал свисток, приглашая капитанов команд выйти на середину поля. Роксана похлопала руками в перчатках и трусцой подбежала ко мне. Даже плотная повязка не могла заставить ее волосы лежать послушно. Непокорные прядки выбивались из черной косы, которая болталась у нее за спиной.

— Что, трудно было сегодня вырваться? — спросила она. — Я боялась, ты не сможешь. А тут еще и Марисы нет. — Она поежилась — так ее напугала сама мысль о том, что команда может остаться без двух игроков сразу.

— Ничего страшного, я справилась. Передай своей маме привет от моей.

Роксана засмеялась.

— Сама передай. Вон она, сидит там со всей моей семьей.

И правда, многочисленное семейство Роксаны Фонг собралось на бровке поля — ее родня никогда не пропускала матчи. Часть была родом из Китая, часть — аргентинцы, но все как один помешаны на футболе. В этом и заключалось главное богатство Роксаны, а вовсе не в том, что ее папа владел супермаркетами и магазинами одежды.

— Ой, их прямо распирает от волнения, — сказала я и засмеялась, чтобы скрыть зависть.

— Пошевеливайтесь, сеньориты, — окликнул нас судья.

И завел свою шарманку про честную игру и все такое прочее. Когда договорил, я сделала реверанс, как настоящая сеньорита.

— Поостерегись, номер семь, — предупредил судья. — Не вздумай меня провоцировать, а то пожалеешь.

Капитанов «Роялс» явно обрадовали его слова — они даже засмеялись. Я смерила их взглядом: крашенная блондинка и пышка с красивыми зелеными глазами.

— Мы вам сейчас задницы-то надерем, — пообещала блондинка. Пышка хихикнула. И вовсе у нее не красивые глаза. — Ты у нас перестанешь ухмыляться, Хассан.

Едва она произнесла это, как меня окатило знакомой огненной волной — и все вокруг сразу и поплыло, и одновременно стало невероятно четким.

Я шагнула в сторону нахалки, но Роксана дернула меня за футболку назад.

— Потом с ней разберешься, — прошипела она мне в ухо. И была права. Мне никак нельзя было сейчас всплыть и пустую потратить силы — их надо приберечь для игры, для победы.

Раздался судейский свисток. Матч начался.

Адреналин уже успел вскипеть у меня в крови, так что я дала волю той Камиле, которую выпускала только на футбольном поле. Я метнулась на свою позицию в центре поля, и как раз вовремя, чтобы принять пас от Синтии. «*Adelante*, вперед, Камила!» — выкрикнула сеньора Фонг, и ее вера придала мне сил — я как на крыльях помчалась вперед и прорвала линию обороны противника, перекрывавшую мне путь к победе. Правда, у самых ворот третий номер «Роялс» отняла у меня мяч. Я шлепнулась носом в грязь, однако судья не зафиксировал фол. На него обрушился поток протестующих криков, но он не отступился от принятого решения. Судьи — они всегда такие.

Голкипер «Роялс» ударила по мячу. Наша слабинка, *la Flaca*, приняла его на грудь, и дуга, которую мяч чертил в воздухе, пресеклась.

— Вот мячику-то свезло, удачное местечко! — завопил какой-то парень на бровке.

Кто-то из зрителей заржал, и я пришла в ярость, но отвлекаться на этого гаденыша было некогда.

Я помчалась к мячу, который одна из «Роялс» отняла у Эвелин. Подцепила его внутренней стороной стопы и вернула своей команде. Синтия, никем не закрытая, ждала шанса забить, и я отдала ей пас прямо в ноги.

Голкипером у «Роялс» была высокая девчонка, но держалась она неуверенно. Застыла в воротах как в землю вкопанная. Синтия забила с ювелирной точностью. Даже ветер затаил дыхание, чтобы не помешать игре. Мяч попал в перекладину ворот, но я была на удачной позиции, прямо перед воротами, поджидая рикошет. Думать было некогда, я взвилась в воздух и ударила «ножницами». Рухнула на землю, сильно стукнувшись бедром,

но даже не осознала боли, потому что сетка колыхнулась, словно парус.

— Го-о-ол! — завопила я. Вскочила, оттолкнувшись от травы, и побежала по стадиону, вскинув руки вверх, в небо. Святая Корреа заслужила свою воду.

Все наши девчонки кинулись обнимать меня и поздравлять. И в этот самый миг из домов по другую сторону от поля донеслись победные крики и загремели петарды. На «Хиганте» тоже кто-то забил гол, и на секунду мне стало интересно, кто именно. Но отвлекаться от игры было никак нельзя.

Во втором тайме мы с четвертым номером «Роялс» сцепились за мяч в воздухе у ворот. Внезапная вспышка боли — и я рухнула на землю, а когда услышала пронзительный свисток, осознала, что девчонка заехала мне локтем в зубы. Пока «Роялс» и наши толпились вокруг судьи, я постепенно пришла в себя и, глубоко дыша, ощупала рот — проверила, не шатаются ли зубы.

— Ты цела? — спросила Яэль.

Я сглотнула кровавую слюну и утерла губы тыльной стороной кисти. Только бы не закапать кровью форму! Проверила — нет, все чисто. Благословение Корреа все еще защищало меня. Я встала, ноги подгибались, но волнения как не бывало.

— Я в норме.

«Роялс» так и не удалось прорваться во владения Роксаны до самой концовки, когда судья назначил им штрафной удар в опасной близости от ворот. До завершения игры оставались считанные минуты, и мы не могли допустить, чтобы противник сократил разрыв в счете. Два-ноль — это вообще самый опасный счет.

Блондинка, капитан «Роялс», приготовилась исполнять штрафной, и я присоединилась к защитникам, выстроившим

стену перед Роксаной. Блондинка оглянулась на свою тренершу, потом зыркнула на меня. Роста во мне метр пятьдесят пять, и я в нашей команде самая низенькая. Она попытается пробить у меня над головой. Я — единственная брешь в стене.

Так что я подпрыгнула, и мяч попал мне прямо в лицо. Из глаз посыпались искры, я рухнула на землю, едва дыша.

— Хассан, тебе нужна замена? — крикнула сеньора Алисия.

Я притворилась, будто не услышала. У нас и так уже Мия выбыла из игры с поврежденной лодыжкой. А другого запасного не было. Поэтому какого черта — я ни за что не уйду с поля до последнего свистка.

Тратя драгоценные секунды, я поднялась на ноги.

— Осталась минута, — сообщил судья.

Мабель, наш пятый номер, отдала пас Синтии, и они погоняли мяч туда-сюда между собой, потом вернули его Роксане — она ловко тянула время. Наконец судья дал финальный свисток. Не успел этот звук потонуть в криках зрителей, как вся наша команда уже мчалась к сеньоре Алисии. Семья Роксаны и остальные болельщики выбежали с трибун на поле, вздымая пыль, которая смешивалась с дымом петард. А он пах чудесами.

— Камила! Ты была просто настоящая фурия! — охрипшим голосом воскликнула сеньора Фонг и тем самым нарекла меня новым именем.

— Фурия! Фурия! — подхватили девчонки из команды, скандируя прозвище, точно заклинание.

Та часть меня, которую я выпустила на свободу во время игры, расправила крылья и победоносно завывала в самые небеса.

3

Яэль и Йессика попытались посадить меня себе на плечи, но мы все повалились на землю и хихикали как маленькие. Между чьими-то грязными ногами я разглядела, как та хорошенькая пышка из «Роялс» рыдает на груди высокого паренька в футболке клуба «Ньюэллс Олд Бойз», а взрослая женщина — мама? — гладит ее по плечу.

Вот если бы моя мама приходила за меня поболеть, утешала меня, когда мы продумем, радовалась моим победам! Каково бы это было? Ладно, нечего хотеть луну с неба.

Пока грусть не омрачила момент, я присоединилась к девочкам, которые прыгали вокруг сеньоры Алисии и распевали нашу кричалку:

Пойдем со мной в футбольный круг,
Ты здесь найдешь себе подруг.
Сеньора тренер нас ведет
К победам будущим, вперед!

Мы сделали круг победы по стадиону вслед за сеньорой Алисией, размахивая нашим потрепанным флагом. Всем

хотелось, чтобы праздник продолжался. Ведь едва покинув поле, мы вернемся к обычной жизни. К обычным самим себе. А здесь, на поле, мы были чемпионками женской лиги «Росарина», и чувство это пьянило больше, чем бокал запретного пива в жаркую летнюю ночь.

Наконец сеньора Алисия напомнила нам, что предстоит еще церемония награждения. Мы плечом к плечу зашагали к столу, который уже стоял посреди поля. На нем в два ряда сверкали золотом в лучах вечернего солнца кубки. У самого большого спереди была гравировка «Первое место», и он стоял на земле, а два кузена Роксаны охраняли его так, будто это национальное сокровище. Один из них, Алехандро, подмигнул мне, но я сделала вид, что не заметила.

Судья стоял рядом с каким-то лысеющим типом с сальными космами, а тот совал ему под нос мегафон.

— Дамы и господа, — произнес судья, и его голос разнесся над стадионом, — победитель чемпионата — команда «Ева-Мария», ее капитан — Камила Хассан, сестра нашего знаменитого Жеребца, Пабло Хассана.

Незримое присутствие брата со всеми его достижениями мгновенно затмило и мою победу, и старания моей команды, и нескончаемую работу сеньоры Алисии. Я упрямо не двигалась с места, но сеньора тренер жестом показала мне, чтобы я подошла к столу и взяла кубок.

— Вперед, Фурия! — выкрикнул кто-то, и во мне пробудилась только что нареченная, смелая часть моего «я».

Не успела я опомниться, как эта часть меня взяла все в свои руки. И вот я уже поднимала кубок вверх, точно голову поверженного врага. Металл нагрелся в золотых лучах солнца.

Нас всех охватило ликование, и мы снова пропели нашу кричалку и подняли сеньору Алисию на руки, как настоящую героиню — которой она и была. На зубах у меня скрипели засохшая кровь и песок, но для групповой фотографии я все равно улыбнулась. Друзья, родня и соседи ликовали вместе с нами и подпевали.

— А ну, уберите эту штуку! — крикнул кто-то. — Не вмешивайте в игру политику! Тем более тут полно журналюг!

Я быстро обежала взглядом толпу и заметила женщину, которая махала зеленым платком — символом феминистского движения. А рядом с ней торчал парень с телекамерой и нацеливал объектив на меня. Он что, снимал нас всю дорогу?

Мы переглянулись с Роксаной. У нее в рюкзаке лежал точно такой же зеленый платок, и сейчас я обрадовалась, что она его не вытащила и, того хлеще, не попросила меня помахать платком в знак победы.

Если в школе хоть одна живая душа заподозрит, что мы поддерживаем феминисток и движение за легализацию абортов, нас исключат и даже думать не станут. Сестра Эстер совершенно четко об этом заявляла. Но если родители увидят меня по телику, тут уж вылет из школы покажется полной ерундой.

— *Capitana*, скажите нам несколько слов. — Ко мне подошла журналистка, симпатичная брюнетка, в сопровождении оператора. Губы у нее были ярко накрашены, и у самого рта — родинка. Журналистка немедленно засыпала меня вопросами: — Как вы себя сейчас чувствуете, номер семь? Первое место в женской лиге «Росарина». Как ощущения? Где вы научились так играть? Ваши планы на будущее? Что думает ваша семья?

Попалась. Не ответить было нельзя. Но тянуть одеяло на себя я не стала.

— Наша победа — результат общих усилий. Если уж на то пошло, на эти вопросы лучше отвечать нашему тренеру, сеньоре Алисии. Она годами работала, чтобы вывести команду на Южно-американский кубок. А я просто делаю то, что она говорит.

Журналистка нахмурилась и решительно продолжила:

— Да, конечно, но я сегодня убедилась, насколько вы замечательно играете. У вас поразительные способности, особенно для девочки. Как оценивает вашу блистательную игру ваш брат, Жеребец Пабло Хассан? — Она сверкнула на камеру обольстительной улыбкой, будто рассчитывала зачаровать его лично.

Наши девчонки расхохотались. Они, дурочки, сохли по Пабло.

Я молчала, журналистка занервничала и надела снова:

— Так что он говорит? — Она обвела взглядом толпу.

— Моему брату нравится, как я играю, — промурлыкала я и сделала томные глаза, потому что какого пса? Раз ввязалась в танец, танцуй дальше. — Он научил меня всему, что я умею.

Журналистка понизила голос:

— Фурия, хотите что-нибудь передать семье? Федерации? Как вы думаете, эта победа станет важной вехой для прав женщин?

Значит, она тоже увидела зеленый платок в толпе. Я лихо-радожно закрутила головой, надеясь, что кто-нибудь спасет меня от этой липучки и ее коварных вопросов.

— Семья меня очень поддерживает, а федерации... я просто хочу сказать спасибо, что нашли место и для нас, девочек.

На самом деле это мы нашли себе место. Мы пробились сквозь бреши в системе и укрепились там, где для женщин

раньше пространства не было. Нам ничего не давали. Мы сами все взяли. Но никто не пожелает услышать правду. А главное, сейчас было неподходящее время для такого разговора.

Зрители бурно зааплодировали. Наконец журналистка преклонила на Роксану, и я ретировалась от греха подальше.

Солнце уже клонилось к горизонту. Весь мой адреналин и возбуждение от игры испарились, я дрожала от прохладного вечернего ветерка. Из чьего-то телефона донеслись искаженные голоса — на «Хиганте» пели. Я попыталась понять, где владелец телефона, — хотелось узнать новости.

Ага, это судья смотрел трансляцию. У его ног стояла плотно набитая спортивная сумка.

— Это «Сентраль» только что забил? — спросила я как можно дружелюбнее.

Судья ничего не ответил — даже на простое «да» поспешил, — а лишь небрежно пожал плечом и повернулся ко мне спиной.

— Скорее! — воскликнул оператор. — Еще успеем на второй тайм! Это ж надо, столько времени проторчать тут, на матче, который никому не сдался!

Он завозился, упаковывая камеру. Надо быть круглым дураком, чтобы разгуливать с такой дорогой аппаратурой по нашему району. Даже в светлое время суток.

— Пошевеливайся, нам пора! — крикнул он журналистке.

Ее эта грубость вроде бы не задела, но плечи у нее как будто напряглись. Вместо того чтобы сорваться с места и побежать на «Хиганте», как требовал оператор, журналистка снова нацелилась на меня. Я застыла. Но она подошла и протянула мне руку.

— Спасибо, что нашли для нас время... Фурия, верно?

Оператор у нее за спиной уже просто кипел.

Я кивнула, а журналистка сказала:

— Удачи на Южноамериканском кубке. Буду за вас болеть.
Если что-то понадобится, дайте знать.

— Спасибо! — Но что мне могло от нее понадобиться?

— Лусиана! Да пошли уже наконец! — Оператор решительно напирал на нас, видно было — вот-вот взорвется.

Лусиана глубоко вздохнула, словно прося небо дать ей терпения. Оператор схватил ее за локоть.

— Мой источник с пятого канала говорит — там на трибуне сам Титан!

Лусиана стряхнула его руку и, не сказав больше ни слова, побежала за ним к машине.

Визг покрышек — и телевизионщики умчались.

Титан, Диего, приехал в Росарио.